Историко-правовые аспекты ответственности за экстремистские правонарушения в период становления советского государства

Яценко Никита Алексеевич
курсант, Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации, nikita_yatsenko03@mail.ru

В статье исследуются историко-правовые особенности формирования института ответственности за экстремистские правонарушения в первые десятилетия существования советского государства (1917–1930-е гг.). Анализируются нормативно-правовые акты, определявшие составы противоправных деяний, механизмы их квалификации и меры наказания. Особое внимание уделено взаимосвязи политико-идеологических установок власти с эволюцией уголовного законодательства в сфере противодействия экстремизму. Показано, как в условиях становления новой государственности формировались правовые инструменты защиты политического строя от «контрреволюционных» и иных деструктивных проявлений.
Ключевые слова: экстремизм, контрреволюционные преступления, советское уголовное право, политический суд, репрессивное законодательство, защита государственной власти.

Введение

Проблема противодействия экстремизму остается одной из наиболее актуальных в современном правовом пространстве, особенно в контексте специальной военной операции (СВО), где экстремистские нарративы, фейковые атаки и пропаганда подрыва государственной безопасности активно используются для дестабилизации общества и оправдания терроризма. В 2024 году число уголовных дел об экстремизме в России выросло на 43% (до 615 дел), а обвиняемых — более чем на 50%, что напрямую связано с информационной войной вокруг СВО, включая публичное оправдание террора и возбуждение розни. Понимание природы и механизмов регулирования экстремистских правонарушений невозможно без обращения к историческому опыту, в том числе к периоду становления советского государства, где аналогичные угрозы решались через формирование строгого уголовного законодательства [11, с. 15].

Первые десятилетия после Октябрьской революции 1917 года стали временем интенсивного формирования новой правовой системы, в которой вопросы ответственности за деяния, угрожающие государственной безопасности, заняли центральное место [14, с. 5].

Цель данной статьи — проанализировать историко-правовые аспекты становления и развития института ответственности за экстремистские правонарушения в СССР в 1917–1930-е годы. Задачи исследования:

- выявить ключевые нормативно-правовые акты, регулировавшие ответственность за экстремистские деяния;

-проследить эволюцию понятийного аппарата и составов преступлений;

-оценить влияние политико-идеологического контекста на формирование уголовного законодательства.

Методологическую основу исследования составляют историко-правовой и сравнительно-правовой методы, а также системный анализ нормативных актов и правоприменительной практики.

Основные положения

Сразу после Октябрьской революции 1917 года новая власть столкнулась с необходимостью оперативного выстраивания системы правовой защиты революционного порядка [14, с. 45]. На начальном этапе отсутствовала единая кодифицированная система уголовного права — основными источниками выступали декреты и постановления Совета народных комиссаров (СНК) и Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК). Характерной чертой этого периода стала приоритетность политических целей над юридическими формальностями. Правоохранительные органы обладали высокой степенью дискреции при квалификации деяний как угрожающих советской власти. Важнейшими нормативными актами начального этапа стали: Декрет о суде № 1 от 24 ноября (7 декабря) 1917 года [1, с. 50], упразднивший прежние судебные учреждения и положивший начало созданию новых органов правосудия, ориентированных на защиту интересов рабоче-крестьянской власти, Постановление СНК от 7 (20) декабря 1917 года о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК) [2, с. 79], наделившее новый ор-

ган широкими полномочиями по пресечению «враждебных действий», Декрет о революционных трибуналах от 4 (17) мая 1918 года [3, с. 471], установивший особый порядок судопроизводства по делам о контрреволюции.

В 1918 году были приняты Руководящие начала по уголовному праву РСФСР [4, с. 590], заложившие базовые принципы советской уголовной политики. В документе подчеркивалась классовая природа права и необходимость защиты диктатуры пролетариата от посягательств «эксплуататорских элементов». На этом этапе понятие «экстремистского» деяния не было формализовано, но фактически под запрет попадали: призывы к свержению советской власти; саботаж государственных распоряжений; контрреволюционная агитация и пропаганда; участие в антисоветских организациях; распространение литературы, не соответствующей официальной идеологии; контакты с представителями «буржуазных» партий; деятельность религиозных объединений, рассматриваемых как антисоветские [11, с. 68-70].

Правоприменительная практика отличалась отсутствием четких критериев разграничения преступных и непреступных действий, возможностью ретроактивного применения норм и широким использованием аналогии закона. Карательная функция права доминировала над превентивной и восстановительной [11, с. 88]. Но, к началу 1920-х годов даже большевики понимают: чтобы удержать страну, нужно не только стрелять, но и управлять. А для управления — хотя бы видимость порядка.

И, тогда, в 1922 году был принят первый Уголовный кодекс РСФСР [5], систематизировавший нормы об ответственности за преступления против государства, в котором выделялись две подгруппы: контрреволюционные преступления (ст. 57–73); преступления против порядка управления (ст. 74–104). Ключевой стала ст. 57, определявшая контрреволюционное преступление как «всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче-Крестьянских Советов и существующего на основе Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы в контрреволюционных целях и т. п.» [5, с. 12]. Широкая формулировка статьи позволяла трактовать в качестве контрреволюционных самые разнообразные деяния: публичное высказывание сомнений в правильности партийной линии; распространение листовок с критикой местных властей; участие в не санкционированных советскими органами собраниях; хранение литературы, признанной контрреволюционной; любые формы подготовительных действий, приравнивавшиеся к оконченной преступной деятельности [14, с. 120-122]. В 1924 году были приняты Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик [6, с. 205], унифицировавшие подходы к регулированию ответственности за государственные преступления. Казалось бы, Уголовный кодекс 1922 года должен был навести порядок: четко прописать, что есть преступление, а что — нет. Но на деле закон стал не оградой от беззакония, а его оправдательным документом.

Почему кодификация не остановила произвол? Судьи и следователи руководствовались не статьями, а «классовым чутьем». Потомственный интеллигент в очках, священник с наперсным крестом, зажиточный крестьянин с хозяйской хваткой — все они вызывали подозрение самим фактом своего существования. Термины вроде «агитация», «саботаж», «контрреволюционные намерения» оставались туманными. Это позволяло привлекать за любые высказывания, использовать «косвенные доказательства», игнорировать процессуальные гарантии. Новые статьи применялись к деяниям, совершённым до их принятия. Человека могли осудить за «антисоветскую агитацию» в 1918 году по закону, изданному в 1922-м. Даже после принятия кодекса продолжали действовать «тройки» и особые совещания.

В 1926 году вступил в силу новый Уголовный кодекс РСФСР [7], сохранивший базовую структуру предшествующего акта, но детализировавший ряд составов. Центральное место заняла ст. 58 [12, с. 144], ставшая основным инструментом репрессивной политики. Она охватывала широкий круг деяний: измена Родине (ст. 58.1), шпионаж (ст. 58.6), терроризм (ст. 58.8), диверсии (ст. 58.9), антисоветская агитация и пропаганда (ст. 58.10), организационная контрреволюционная деятельность (ст. 58.11). Отличительными чертами ст. 58 стали: казуистичность формулировок, допускавшая широкое толкование; включение в число преступных действий не только активных деяний, но и «связи» с контрреволюционными организациями; установление ответственности за «недонесение» о контрреволюционных преступлениях; применение коллективных санкций (ответственность членов семьи) [7, с. 25-30; 18, с. 30].

Правоприменительная практика демонстрировала устойчивую тенденцию к расширительному толкованию норм: критика партийного руководства квалифицировалась как антисоветская агитация; хозяйственные просчеты могли расцениваться как вредительство; религиозные обряды — как контрреволюционная деятельность; контакты с иностранными гражданами — как шпионаж [11, с. 210; 13, с. 150]. Органы государственной безопасности (ВЧК, затем ГПУ-ОГПУ) активно использовали эти положения для пресечения любой оппозиционной деятельности [13, с. 95].

В середине 1930-х годов система противодействия «контрреволюционным» деяниям приобрела завершенные институциональные формы. Ключевым событием стало убийство С. М. Кирова 1 декабря 1934 года, после которого последовал ряд нормативно-правовых изменений, резко усиливших репрессивный потенциал государства[17, с. 200]. Указ Президиума ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года «О внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы союзных республик» [8, с. 459] установил ускоренный порядок расследования и судебного рассмотрения дел о террористических организациях и актах. Срок следствия ограничивался 10 днями, обвинительное заключение вручалось за сутки до суда, кассационное обжалование не допускалось, приговор приводился в исполнение немедленно. В 1935 году постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» [9, с. 155] допустило применение смертной казни к лицам, достигшим 12-летнего возраста, за ряд преступлений, включая «контрреволюционные». В 1937 году директивы НКВД расширили практику внесудебных репрессий: дела рассматривались «тройками» (представители НКВД, прокуратуры и партийных органов), что минимизировало процессуальные гарантии [10, с. 274].

В правоприменительной практике произошло существенное расширение трактовки «контрреволюционных» деяний: Под антисоветской агитацией (ст. 58.10 УК РСФСР) стали понимать не только публичные высказывания, но и частные беседы, письма, дневниковые записи [18, с. 32]. Понятие «вредительства» (ст. 58.7) распространилось на любые хозяйственные просчеты, аварии, сбои в производстве, что позволяло квалифицировать профессиональные ошибки как умышленные преступления [11, с. 225]. «Связь с иностранными государствами» интерпретировалась как шпионаж даже при отсутствии доказательств передачи сведений. Религиозная деятельность (службы, собрания, проповеди) все

чаще расценивалась как контрреволюционная организация (ст. 58.11) [13, с. 210].

К 1937 году сложилась многоуровневая система органов, уполномоченных расследовать и карать «контрреволюционные» преступления: Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) — центральный орган, координировавший репрессивную политику. Особые совещания при НКВД — внесудебные органы, выносящие приговоры без участия суда. «Тройки» на местах — оперативные структуры для ускоренного рассмотрения дел. Военная коллегия Верховного суда СССР — рассматривала дела о «крупных» контрреволюционных преступлениях (например, против партийного руководства) [12, с. 115]. Обвиняемый считался виновным a priori, бремя доказывания перекладывалось на него [11, с. 188]. Следствие активно применяло методы психологического и физического давления для получения признаний, которые становились главным доказательством [13, с. 300]. Наказание распространялось на членов семьи («члены семьи изменника Родины»), соседей, коллег [7, с. 28]. Деяния, совершенные до введения статьи, могли квалифицироваться по новым составам [14, с. 150].

В 1937–1938 гг. проводились «национальные операции» (против поляков, немцев, латышей и др.) и «кулацкая операция», нацеленные на ликвидацию «социально опасных элементов» [10, с. 276; 13, с. 320], концепция «врага внутри», представляла любое несогласие как угрозу государственной безопасности. Принцип «революционной целесообразности», ставивил политические цели выше юридических норм[11, с. 95].

По данным архивов, в 1937–1938 гг. было арестовано свыше 1,5 млн. человек по обвинениям в контрреволюционных преступлениях, из них около 680 тыс. приговорены к расстрелу [16, с. 154]. Эти цифры отражают не только юридическую, но и социально-политическую сущность системы: Репрессии носили селективный характер, затрагивая, прежде всего интеллигенцию, бывших «эксплуататорские классы», священнослужителей, национальных меньшинств [12, с. 210]. Правовые механизмы использовались для устранения потенциальных оппонентов и консолидации власти. Уголовное законодательство выполняло функцию социального контроля, а не только защиты правопорядка.

К концу 1930-х годов в СССР сложилась целостная система противодействия деяниям, квалифицируемым как «контрреволюционные» (аналог современного понятия «экстремистские»). Основой стали ст. 57 и ст. 58 УК РСФСР (1926 г.), а также подзаконные акты (указы, постановления, директивы), расширявшие круг преступных деяний. Были созданы специализированные органы (ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД), наделенные чрезвычайными полномочиями. Внедрены ускоренные и внесудебные процедуры, минимизировавшие гарантии обвиняемых. Правовые нормы интерпретировались через призму классовой борьбы и «революционной целесообразности». Система обеспечила подавление оппозиции, но ценой разрушения правовых институтов и массовых нарушений прав человека.

Заключение

Проведенное исследование историко-правовых аспектов становления института ответственности за экстремистские (в терминологии того периода – контрреволюционные) правонарушения в СССР в 1917–1930-е годы позволяет сформулировать ряд основополагающих выводов.

Во-первых, формирование правового регулирования в данной сфере носило поэтапный и динамичный характер, эволюционируя от фрагментарных революционных декретов, наделявших карательные органы (ВЧК) широкими дискреционными полномочиями, к систематизированным, но чрезвычайно емким нормам Уголовных кодексов 1922 и 1926 годов (ст. 57, 58 УК РСФСР), и, наконец, к созданию жесткой репрессивной системы середины-конца 1930-х годов с ее внесудебными органами («тройки») и ускоренными процедурами.

Во-вторых, ключевой особенностью этого процесса была его тотальная подчиненность политико-идеологическим задачам. Понятие «контрреволюционного» (экстремистского) деяния определялось не через четкие юридические составы, а через призму классовой борьбы и «революционной целесообразности». Это привело к радикальному расширительному толкованию норм, когда под действие закона подпадали критика, хозяйственные просчеты, религиозная практика и даже частные разговоры.

В-третьих, правоприменительная практика характеризовалась доминированием карательной функции, презумпцией виновности, применением коллективной ответственности и постепенной минимизацией процессуальных гарантий для обвиняемых. Апогеем этой тенденции стали массовые репрессии 1937-1938 гг., где правовые механизмы были полностью инструментализированы для решения задач политического подавления и социального контроля.

Таким образом, исторический опыт 1917–1930-х годов наглядно демонстрирует системные риски, возникающие при противодействии экстремизму и угрозам государственной безопасности, когда правовое регулирование подменяется политической целесообразностью, а необходимость защиты стабильности используется для обоснования свертывания правовых гарантий. Этот опыт служит суровым напоминанием о критической важности поддержания баланса между обеспечением безопасности и незыблемостью принципов правовой определенности, справедливости и защиты фундаментальных прав человека. В условиях современных вызовов, включая специальную военную операцию и активизацию информационного противоборства, извлеченные уроки прошлого подчеркивают необходимость выстраивания эффективного, но строго в рамках правового поля, механизма противодействия экстремизму, исключающего произвол и обеспечивающего защиту как интересов государства, так и прав граждан.

Литература

1. Декрет о суде № 1 от 24 ноября (7 декабря) 1917 г. — 1 с.
2. Постановление СНК от 7 (20) декабря 1917 г. о создании ВЧК. — 1 с.
3. Декрет о революционных трибуналах от 4 (17) мая 1918 г. — 1 с.
4. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР. — Екатеринбург: Гос. изд-во Урал. обл. отд-ние, 1921. — 4 с.
5. Уголовный кодекс РСФСР. — Москва: Издание Военной коллегии Верховного трибунала ВЦИК, 1922. — 94 с.
6. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. — 15 с.
7. Уголовный кодекс РСФСР. — 256 с.
8. Указ Президиума ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. — 1 с.
9. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. — 1 с.
10. Приказ НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. — 19 с.
11. Соломон, П. Советская юстиция при Сталине / П. Соломон. — М.: Москва : РОССПЭН, 2008, 1998. — 462 с.
12. Хаустов, В. Н. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. / В. Н. Хаустов, Л. Самуэльсон. — М.: М. : РОССПЭН, 2009. — 432 с.

13. Тепляков, А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. / А. Г. Тепляков. — М.: Новый хронограф. АИРО-XXI, 2008. — 632 с.

14. Кодинцев, А. Я. Уголовно-правовая политика в СССР в 1917–1941 гг. / А. Я. Кодинцев. — М.: Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та , 2009. — 420 с.

15. Роговин, В. З. Власть и оппозиция / В. З. Роговин. — М.: Москва : Товарищество "Журн. "Театр", 1993. — 528 с.

16. Земсков, В. Н. Заключённые, спецпоселенцы… / В. Н. Земсков // История СССР, Москва : Наука, 2003, 1991. — № 5. — 304 с.

17. Иванов, А. С. Статья 58 УК РСФСР 1926 г.: генезис и роль… / А. С. Иванов // Вестник ТГУ. Право. — 2015. — № 3. —126 с.

Historical and legal aspects of liability for extremist offenses during the formation of the soviet state

Yatsenko N.A.

Military Zhukov Order Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation

The article examines the historical and legal features of the formation of the institution of liability for extremist offences in the first decades of the Soviet state (1917–1930s). It analyses the regulatory legal acts that defined the elements of unlawful acts, the mechanisms for their qualification, and the penalties imposed. Special attention is paid to the relationship between the political and ideological guidelines of the authorities and the evolution of criminal legislation in the field of countering extremism. The study shows how legal instruments for protecting the political system from «counter-revolutionary» and other destructive manifestations were developed during the formation of the new statehood.

Keywords: extremism, counter-revolutionary crimes, Soviet criminal law, political justice, repressive legislation, protection of state authority.

References

1. Decree on the Court No. 1 of November 24 (December 7), 1917 — 1 s. (In Russ.).
2. Resolution of the Council of People's Commissars (SNK) of December 7 (20), 1917, on the establishment of the All-Russian Extraordinary Commission (VChK) — 1 s. (In Russ.).
3. Decree on Revolutionary Tribunals of May 4 (17), 1918 — 1 s. (In Russ.).
4. Guiding Principles of Criminal Law of the RSFSR. — Yekaterinburg: State Publishing House, Ural Regional Branch, 1921. — 4 s. (In Russ.).
5. Criminal Code of the RSFSR. — Moscow: Published by the Military Collegium of the Supreme Tribunal of the All-Russian Central Executive Committee (VTsIK), 1922. — 94 s. (In Russ.).
6. Basic Principles of Criminal Legislation of the USSR and the Union Republics. — 15 s. (In Russ.).
7. Criminal Code of the RSFSR. — 256 s. (In Russ.).
8. Decree of the Presidium of the Central Executive Committee (CEC) of the USSR of December 1, 1934 — 1 s. (In Russ.).
9. Resolution of the Central Executive Committee (CEC) and the Council of People's Commissars (SNK) of the USSR of April 7, 1935 — 1 s. (In Russ.).
10. Order of the People's Commissariat for Internal Affairs (NKVD) of the USSR No. 00447 of July 30, 1937 — 19 s. (In Russ.).
11. Solomon, P. Soviet Justice Under Stalin / P. Solomon. — Moscow: ROSSPEN, 2008, 1998. — 462 s. (In Russ.).
12. Khaustov, V. N. Stalin, the NKVD, and the Repressions of 1936–1938 / V. N. Khaustov, L. Samuelson. — Moscow: ROSSPEN, 2009. — 432 s. (In Russ.)..
13. Teplyakov, A. G. The Machine of Terror: OGPU–NKVD of Siberia in 1929–1941 / A. G. Teplyakov. — Moscow: Novy Khronograf, AIRO-XXI, 2008. — 632 s. (In Russ.).
14. Kodintsev, A. Ya. Criminal Law Policy in the USSR in 1917–1941 / A. Ya. Kodintsev. — Kurgan: Publishing House of Kurgan State University, 2009. — 420 s. (In Russ.).
15. Rogovin, V. Z. Power and Opposition / V. Z. Rogovin. — Moscow: Partnership "Journal 'Theatre'", 1993. — 528 s. (In Russ.).
16. Zemskov, V. N. Prisoners, Special Settlers… / V. N. Zemskov // History of the USSR. — Moscow: Nauka, 2003, 1991. — No. 5. — 304 s. (In Russ.).
17. Ivanov, A. S. Article 58 of the RSFSR Criminal Code of 1926: Genesis and Role… / A. S. Ivanov // Bulletin of Tomsk State University. Law. — 2015. — No. 3. — 126 s. (In Russ.).